

© 2024. К. А. Поташова

Государственный университет просвещения
г. Москва, Россия

**«Стекла оптики» как средство миропознания
в стихотворении Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская»**

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-78-01016 «Космические образы в русской поэзии
конца XVIII – первой трети XIX века: онтология и поэтика»*

Аннотация: Целью статьи является выявление эмпирических оснований космической образности поэзии Г. Р. Державина и раскрытие механизмов преобразования реально видимых картин Вселенной в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская». На основе имущественных описей и чертежей усадьбы Званка в статье устанавливается увлеченность Державина наблюдениями за движением небесных тел, выявляется, какой телескоп был у поэта. Рассматриваются номинации «стекла оптики» и «мрачный фонарь», которые поэт использует для образного представления телескопа. Посредством взгляда в телескоп поэт видит то, что недоступно в естественно-природном бытии, но при этом является частью Божественного мира и дополняет представления о Божественной Вселенной. В сопоставлении с трактатами Августина Блаженного рассматривается символическая наполненность образов небесных тел в стихотворении Державина, уточняется понимание поэтом красоты не только в ее эстетической, но и интеллектуальной составляющей.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, космологическая образность, миропознание, онтология, механизмы визуализации.

Информация об авторе: Ксения Алексеевна Поташова, кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, ул. Фридриха Энгельса, д. 21 а, 105005 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>

E-mail: ksebiaslovo@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 17.01.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 23.03.2024

Дата публикации статьи: 25.06.2024

Для цитирования: Поташова К. А. «Стекла оптики» как средство миропознания в стихотворении Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 6–19. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-6-19>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 6–19. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 6–19. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. **Ksenia A. Potashova**
State University of Education
Moscow, Russia

“Glass of Optics” as a Means of Understanding the World in the Poem by G. R. Derzhavin “To Eugene. Life in Zvanka”

Acknowledgments: This work was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-78-01016 “Cosmic Images in Russian Poetry of the Late 18th – First Third of the 19th Century: Ontology and Poetics.”

Abstract: The article aims to identify the empirical foundations of the cosmic imagery of G. R. Derzhavin’s poetry and to reveal the mechanisms for transforming visible pictures of the Universe in the poem “To Eugene. Life in Zvanka.” Property inventories and drawings of the Zvanka estate allow us to establish Derzhavin’s passion for observing the movement of celestial bodies and what kind of telescope the poet used for it. The article considers the nominations “glasses of optics” and “gloomy lantern,” which the poet uses to represent a telescope. By looking through a telescope, the poet sees what is inaccessible in natural existence but, at the same time, is part of the Divine world and complements the idea of the Divine Universe. The article examines the symbolic fullness of the images of celestial bodies in Derzhavin’s poem in comparison with the treatises of Augustine the Blessed. It clarifies the poet’s understanding of beauty not only in its aesthetic but also in its intellectual component.

Keywords: G. R. Derzhavin, cosmological imagery, worldview, ontology, visualization mechanisms.

Information about the author: Ksenia A. Potashova, PhD in Philology, Associate Professor, State University of Education, Friedrich Engels St., 21 a, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>

E-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Received: January 17, 2024

Approved after reviewing: March 23, 2024

Published: June 25, 2024

For citation: Potashova, K. A. “‘Glass of Optics’ as a Means of Understanding the World in the Poem by G. R. Derzhavin ‘To Eugene. Life in Zvanka.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 2, 2024, pp. 6–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-6-19>

Картины, видимые через оптический прибор, не раз появляются в творчестве Державина, художественная система которого тяготеет к поэтике зримого: диковинные изображения, проецируемые через телескоп, волшебный фонарь, камеру обскуру, природное или искусственное стекло получают у поэта художественное оформление. И хотя космическая образность в творчестве Державина уже становилась предметом научных наблюдений [см. Поташова 2023], однако затрагиваемый аспект не был подробно рассмотрен. Изучалось символическое наполнение образов небесных светил в связи с эмблематизмом одической системы [Манн], [Левицкий], обращения поэта к астрономической Вселенной рассматривались в связи с библейскими [Есаулов] и апокалиптическими мотивами [Позднякова], космическая образность в оде «Бог» определялась как поэтическое воплощение главной идеи размышлений человека о своей ничтожности, «соизмеримость Творца, сотворенного и восхищение Им» [Башкиров: 144]. Однако в вышеуказанных работах нет конкретных наблюдений и выводов об эмпирических источниках космической образности поэзии Державина, не определены механизмы преобразования зримых картин Вселенной в художественный образ.

Стремительное развитие науки и техники в XVIII в. способствовало развитию интереса человека к космическому пространству, знание о котором стало возможным расширить опытным путем; таинственное и немислимо далекое было приближено посредством научных изобретений. Оптика, ставшая доступной для наблюдений человека за устройством Вселенной, обусловила обновление и развитие философских идей, утверждающих живое восприятие Бога через рассматриваемый мир. Таковыми явились философские размышления Г. В. Лейбница и И. Канта о связи эмпирического и рационального, Д. Дидро, осмысляющего функцию зрения при познании мира. Вместе с тем сознанию XVIII в. по-прежнему оставалась созвучна святоотеческая литература

с ее пониманием мира и природы как результата Божественного творения. Сочетание идей просветительства с «укоренившейся православной традицией» [Есаулов: 56] явно обнаруживается в объяснениях устройства мироздания в специальных периодических изданиях: «Размышления о делах Божиих в Царстве природы и Провидения на каждый день года» (Н. И. Новиков, 1787), «Магазин натуральной истории, физики химии, или Новое собрание материй» (Н. И. Новиков, А. А. Прокопович-Антонский, 1788–1790), «Друг Просвещения» (Д. И. Хвостов, 1804–1806). В статье «Неизмеримое пространство неба, звездами испещренное», рассказывающей об обозрении небесных тел на ночном небе посредством телескопа («зрительной трубы»), протоиерей Иоанн (Харламов) говорит, что оптический прибор призван не только облегчить научные наблюдения человека над космосом («Прежде изобретения зрительных труб конечно меньше на небе примечали мы звезд, нежели сколько ныне мы открывать их можем» [Размышления: 254]), но расширить «понятия о величестве всего мироздания» и восхититься «неизмеримостью всемогущества Божия» [Размышления: 254]. Синтез святоотеческого знания и космогонических теорий можно обнаружить и в образной системе поэзии второй половины XVIII в. Метафизические смыслы космической сферы явились и предметом поэтических размышлений Г. Р. Державина, который представлял свои идеи о смысле истории и устройении мира через зримую предметность. Размышляя об изобретении и использовании телескопа, Ханс Блюменберг пишет, что через него «созерцание небес приобретает исторический характер: в ситуации, когда космический горизонт опыта был неизменным с начала времен, изобретение телескопа знаменует черту, за которой можно предвидеть продолжающееся возрастание объемов доступной нам реальности» [Blumenberg: 22]. Вот это освоение новой для человека реальности во всех ее обновленных коннотациях и представляет нам Державин в своем послании «Евгению. Жизнь Званская», где впервые в отечественной словесности не отвлеченным, но «опредмеченным» зрительным восприятием через «стекла оптики», наряду с привычным человеческому глазу видением вещей и природы, можно увидеть космическое пространство.

Астрономические явления, представленные в условной раме оптического прибора, привлекают внимание в стихотворении Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807), передающим размышления поэта

над суетой земного мира. В своем поэтическом послании Державин упоминает два таких прибора — «стекла оптики» («Иль в стекла оптики картинные места // Смотрю моих усадеб») и «мрачный фонарь» («Иль в мрачном фонаре люблюсь, звезды зря» [Державин: 330]). При сравнении изображений, данных посредством проецирующего механизма в стихотворении «Фонарь» (1804), и той космической картины, которая показана в «Евгению. Жизнь Званская», очевидны различия в представлении оптических приборов. Прежде фонарем Державин назвал приспособление, воспроизводящее рукотворные изображения на холст («Очаровательный огонь чудный // Малюет на стене луну» [Державин: 292]). Фонарь в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» является механизмом, позволяющим любоваться небесными светилами, но уже не искусственными, а движущимися на небосводе. Оттого возникает вопрос, в какой же именно прибор наблюдает Державин. Ответ дает изображение имения Званка в чертежах Д. В. Поленова, сделанных в XIX в., и проведенная имущественная опись.

Из составленного подробного описания к «Фасаду званского дома, обращенного к реке» известно, что «на балконе стояли чугунные пушки, из которых палили во время обеда в день именин Г. Р. Державина, и телескоп, в который он любил смотреть. Державин любил сидеть на этом балконе, любоваться природой, слушая музыку. С этого балкона он одарял детей деревенских пряниками и кренделями» [Никитина: 515]. Все детали описания в точности соответствуют зарисовкам повседневного уклада жизни, представленным в стихотворении, что позволяет говорить о том, что телескоп и явился тем инструментом, который поэт скрывает под образными именованями «стекла оптики» и «мрачный фонарь». Уточнить, в какой именно оптический прибор смотрел Державин, позволяет и «Опись в селе Званка всему имуществу» (1827), в разделе которой «Разные вещи» указано наличие у поэта «трубы медной» и «ножек» [Морозова: 108]. Во второй половине XVIII в. в России были распространены медные телескопы зеркальной конструкции Д. Грегори, производимые в голландских мастерских и представлявшие собой значительные по своему размеру аппараты профессионального назначения. Скорее всего, принадлежащий поэту прибор был зрительной трубой, которая имеет и меньший размер, оттого в «Описи...» этот предмет назван именно «трубой». Она дает возможность наблюдать как за природными ландшафтами, чего не может

делать телескоп, так и за небесными телами. Активное производство зрительных труб в России началось только с 1821 г. в механической мастерской при Главном штабе, в связи с чем можно предположить наличие у Державина зрительной трубы английского производства.

В своих поэтических обозначениях зрительной трубы Державин сообщает о ее устройстве и принципах действия. Упоминание «стекел оптики» объясняется наличием у прибора нескольких стекол, на что всегда указывается в описании подобного аппарата: «Оной состоит из четырех обоюдно выпуклых стекол, из которых одно служит предметным, а три — глазными» [Словарь VI: 91]. Образ «мрачного фонаря», по всей вероятности, связан с размышлениями М. В. Ломоносова по поводу «ночезрительной трубы», позволяющей «извлечь вещи из темноты, чтобы можно было заметить их ночью или хотя бы в сумерки» [Ломоносов: 88]. Причина, по которой Державин не сообщает напрямую о том оптическом приборе, с помощью которого наблюдает за космическим пространством, возможно, связана с еще не утвердившимся на тот момент использованием слов «телескоп» или «зрительная труба» в поэтическом лексиконе. Обнаруживается немало примеров использования слова «телескоп» в публицистике этого времени («Вооружай зрение твое телескопами, за дальнейшие неподвижные звезды досягающими» [Радищев: 43]), этнографических зарисовках («Приметив, что воображение обманывает глаза мои, пошел к священнику и взял у него телескоп» [Карамзин: 278]), сообщениях о кругосветных плаваниях («Стрелка наклонения и трех-футовый ахроматический телескоп для наблюдения на берегу закрытий звезд и затмений Юпитеровых спутников, хотя также выписываемы были мною, но Траутон оных не доставил» [Крузенштерн: 10]). При этом поэтический язык специальных обозначений оптики не знал. Для Державина, истинного мастера художественного образа, «телескоп» или «зрительная труба» как слова из сферы науки были не приемлемы, поэтому поэт заменяет их визуальными аналогиями. Подобные замены находим и у Ломоносова, использующего вместо слов «телескоп» и «труба» основанные на зрительных ассоциациях художественные образы — «машина для сгущения света», «ночезрительная труба», «ночегляд». И у Ломоносова, и у Державина, которых объединяет интерес к закрытому для естественного зрения наполнению пространства Вселенной, оптические приборы имеют образные названия.

В предметном мире послания «Евгению. Жизнь Званская» оптические механизмы приобретают большее значение, нежели иные творения рук человека, прекрасные только тем, что «взор манят». Идиллическое описание усадебной повседневности Званки Державин слагает из перечислений множества артефактов, данных нарочито в ироничных интонациях:

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров и кружев, и вязани [Державин: 328].

Взгляд через стекло на Вселенную, напротив, открывает нечто удивительное, делает доступным глазу то, что невозможно было бы увидеть невооруженным взглядом. Понимая стекло как призму, через которую открывается новое знание или преобразается реальность, Державин любит солнечным светом, отражающимся в окнах усадебного дома («стекл заревом горит мой храмовидный дом» [Державин: 332]), наделяет зеркало возможностью приоткрыть историю («Иль в зеркало времен, качая головой, // На страсти, на дела зрю древних, новых веков» [Державин: 328]). К таким же средствам познания мира Державин относит и зрительную трубу. И хотя этот оптический прибор появляется в стихотворении только единожды в середине, все же именно посредством моделирования взгляда через него поэт задается основным в художественном мире стихотворения вопросом о сущности красоты, которая либо вызывает восхищение, либо «бременит дух».

Помимо того, что поэт созерцает небо естественным взором, что показано уже в самом начале стихотворения («Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор; // Мой утреннюет дух правителю вселенной» [Державин: 327]), и обращается к Вселенной в поэтических обобщениях («Творцом содержится вселена» [Державин: 329]), он обозревает грандиозное по своему охвату пространство с помощью астрономического приспособления:

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадеб, на свитках грады, царства,

Русская литература XVIII–XIX столетий
К. А. Поташова. «Стекла оптики» как средство миропознания
в стихотворении Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская»

Моря, леса, — лежит вся мира красота

В глазах, искусств через коварства [Державин: 330].

Созерцаемый вид соотносится со всем пространством Земли как планеты. Примечательна и форма конструирования этого пространства, образно представленного в последовательном нарастании координат от усадьбы к целым цивилизациям и географическим ландшафтам. Смысловым обобщением этого перечисления пространственных характеристик является слово «красота», под которым в данном контексте понимается не просто многообразие тварного мира, но гармония его устроения. Этот открывшийся вид можно понимать как конкретное наполнение слов благодарности Творцу, данных в начале стихотворения: «Благодарю, что вновь чудес, красот позор // Открыл мне в жизни толь блаженной» [Державин: 327]. Обращает на себя внимание сочетание «красот позор» с ушедшим из активного употребления словом «позор» в значении «открытого взгляду зрелища, прозрения» [Даль 3: 232]. Оптические стекла и географические карты являются предметами-посредниками, позволяющими увидеть упорядоченную красоту Земли. Если в этом фрагменте стихотворения взгляд поэта движется по горизонтали, акцентируя «приметы земного мира в его связи с духовной реальностью» [Киселева: 94], то в следующем фрагменте взгляд дан снизу вверх, устремлен от земли в космическое пространство, проводя аналогию между упорядоченностью земного мира и небесного. Поэт находит гармонию в космической Вселенной, где сияние каждой звезды подчеркивает Божественное присутствие:

Иль в мрачном фонаре люблюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнца в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью [Державин: 330].

В связи с поэтической реализацией Державиным идеи утверждения Божьего Величества обращает на себя внимание последовательность представления картин, расположенных в порядке интенсивности зримых впечатлений, что в полной мере согласуется с «классицистической традицией с ее культом разума» [Киселева, Поташова: 245]. Более предметные изображения-фиксации, данные сверхкрупным планом («Я

озреваю стол» [Державин: 329]), поэт сменяет созерцаниями панорамным видов природы («Пастушьего вблизи внимаю рога зов, // Вдали тетеревей глухое токованье» [Державин: 327]), далее читателю открывается миропостигающий взгляд, устремленный в небесное пространство. И хотя Державин находит в каждой картине деталь для воспевания, при этом его поэтическая мысль, реализуя художественную задачу противопоставить красоту тварного мира и красоту небесную, движется от просто привлекательного к гармоничному. Примечательно, что предметную наполненность повседневной жизни поэт определяет фразой из Книги Екклесиаста: «Суета сует!» [Державин: 329]. Вкладывая в «суету» представление о мирской жизни как о бесполезном в своей сущности зрелище, поэт подчеркивает избыточность и тщету красоты рукотворной. Тогда как именно «блеск светила полудневна» позволяет поэту заключить «коль прекрасен мир!» и восхититься им как творением Бога («Творцом содержится вселенна» [Державин: 329]).

Вершиной прекрасного Державин считает красоту, распространяющую свое действие на другие явления. Обрамленные «стеклами оптики» астрономические картины рисуют небесные светила — солнце («Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще» [Державин: 329]) и звезды («самых светлых звезд блеск меркнет от ночей» [Державин: 333]), восхищающие взор игрой света. Акцентируя светоносность небесных тел, поэт прибегает к метафорической замене звезд на небосводе непривычной по звучанию номинацией во множественном числе «солнцы» («солнцы в воздухе» [Державин: 330]). Этот образ стал авторским неологизмом, к которому поэт не раз прибегает для обозначения бесчисленных искр-бликов, распространяющихся от Божественного светоносного источника («Так солнцы от Тебя родятся; // Как в мразный, ясный день зимой» [Державин: 330]). Подчеркнутая светоносность небесных тел важна не столько в эстетическом, сколько в метафизическом ключе. Это свет нерукотворной, Божественной природы, зримое восприятие которого и есть постижение Бога. Светоносность Вселенной не просто является предметом любования Державина, но становится мерилем истинной красоты, оттого по отношению к небесным светилам поэт тщательно подбирает смысловые определения, в наибольшей степени передающие личностный характер его внутреннего монолога с Богом. Истинная красота для Державина приносит не только эстетическую, но и интеллектуальную радость.

В трактовке света, исходящего от небесных тел, наиболее близкими художественной системе Державина оказываются труды Августина Блаженного с присущей им «индивидуализацией языка благочестия» [Хондзинский: 24]. Умозрительный характер державинских астрономических картин позволяет провести небеспочвенные аналогии с объяснениями сотворения мироздания в трактатах Августина Блаженного, основанными на логической цепочке «увидеть — постигнуть». Поэтические размышления о космических телах оказываются созвучными толкованию Августином Блаженным библейской космогонии: «Вот земля и небо; они кричат о том, что они созданы. <...> Кричат они также, что не сами они себя создали: “мы существуем потому, что мы созданы: нас ведь не было, пока мы не появились; и мы не могли возникнуть сами собой”» [Августин Блж. 1999: 1139]. Основываясь на том, что бесформенное, то есть недоступное зрению, невозможно познать, философ утверждает тождество «Божественного всеприсутствия» и «световой субстанции». «Исповедь» Августина Блаженного в предельно пластичных образах говорит о существовании двух типов красоты. Философ утверждает красоту истинную, которой и выступает солнечный свет, являющий миру Божественное присутствие: «И сам царь красок, этот солнечный свет, заливающий все, что мы видим, <...> всячески подкрадывается ко мне и ласкает меня, <...>. И он настолько дорог, что если он вдруг исчезнет, то его с тоской ищешь, а если его долго нет, то душа омрачается» [Августин Блж. 2013: 165]. Этой красоте мыслитель противопоставляет красоту «пленительную» и «утомительную», к которой относит различные рукотворные создания: «К тому, что прельщает глаза, сколько еще добавлено людьми! Создания разных искусств и ремесел — одежда, обувь, посуда и всяческая утварь, картины и другие изображения» [Августин Блж. 2013: 166]. Державин, без сомнения знакомый с учением Августина Блаженного, чьи труды в конце XVIII в. были самыми переводными из философских сочинений на иностранных языках, на этой же оппозиции красоты истинной и пленительной строит свое поэтическое послание, адресованное к митрополиту Евгению (Болховитинову).

Разделяя определившие XVIII в. идеи философии просвещения о гармоничном устроении видимого мира, его культ разума и науки, интересуясь событиями естественных наук, Державин опытным путем постигает устройство Вселенной, что обуславливает появление в его

поэзии новейших оптических приборов. В то же время чутко понимающий библейскую космогонию, Державин не подменяет божественной истины постижением мира через стекло, оперируя к астрономическим явлениям как к доказательству существования Бога. На протяжении всего стихотворного послания поэт фиксирует различные картины, которые открываются его зрению, дает им оценку и заканчивает поэтической рефлексией о сущности мироздания. Эти визуальные ряды слагаются буквально в представление об усадьбе как концентрации гармонической идиллии; шире — в осмысление процесса движения времени от восхода солнца к полудню и вечернему закату, и, наконец, в размышления о том, что же такое время земное в сравнении с существованием космической галактики, зримым воплощением вечности. Суть философии Державина, представленной в поэтической форме, видится не в идеализации представления естественной жизни, как зачастую рассматривают это стихотворение, акцентируя идею блаженства на земле, но в провозглашении идеи познания Творца, в «преображение телесного зрения в духовное» [Поташова 2021: 136].

Расставленные Державиным визуальные акценты выражают не просто фиксированное восприятие различных объектов, как из мира природы, так и рукотворных предметов, но особый путь познания окружающего. За всеми наблюдениями и мечтаниями лирического поэта подразумевается созерцание Бога. Этот путь познания подчеркивается и в открывающей стихотворение традиционной для псалмической формуле «блажен, кто...», и в изображении обращенного взгляда лирического поэта на небо с утренней молитвой, и в окончании стихотворения утверждением Божественного присутствия в каждом нерукотворном образе. Осмысление зрения не только как пути миропознания, но и как Богопознания, обуславливает интерес Державина к астрономическим образам как к зримому чуду, что связано с глубоко личным религиозным переживанием поэта Божественного величия.

Список литературы

Источники

Августин Блаженный. Исповедь. СПб.: Наука, 2013. 372 с.

Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. 1600 с.

- Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1998.
- Державин Г. Р.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 470 с.
- Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964.
- Крузенитерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 годах. СПб.: Морская Типография, 1809. Ч. 1. 388 с.
- Ломоносов М. В.* Физическая задача о ночезрительной трубе // *Ломоносов: сб. ст. и материалов.* М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 87–89.
- Радищев А. Н.* О человеке, о его смертности и бессмертии // *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л.: АН СССР, 1938–1952. Т. 2. С. 37–142.
- Размышления о делах божиих в царстве природы и провидения на каждый день года: издание периодическое. М.: В тип. Компании типографической, 1787–1788.
- Словарь Академии Российской. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789–1794.

Исследования

- Баширов Д. Л.* Ода Г. Р. Державина «Бог» // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 140–150.
- Есаулов И. А.* Ода Г. Р. Державина «Бог»: новое понимание // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 45–67. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2016.3722>
- Киселева И. А.* О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 4. С. 91–106. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6422>
- Киселева И. А., Поташова К. А.* Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику // Научный диалог. 2021. № 4. С. 240–253. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-240-253>
- Левицкий А.* Образ солнца в поэзии Державина // Русская литература. 2012. № 1. С. 55–65.
- Манн Ю. В.* Динамика русского романтизма. М.: Аспект-пресс, 1995. 380 с.
- Морозова Е. В.* Все имущество села Званки в 1827 году. Описи и реестры // Г. Р. Державин и его время: сб. научных трудов. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2010. Вып. 5. С. 90–117.
- Никитина А. Б.* Об усадьбе Г. Р. Державина в Званке // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Л.: Наука, 1986. С. 508–522.
- Позднякова Н. А.* Образ художественного времени в поэзии Г. Р. Державина // Г. Р. Державин: личность, творчество, современное восприятие. Казань: Казанский ун-т, 1993. С. 39.
- Поташова К. А.* Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи М.: ФЛИНТА, 2021. 376 с.
- Поташова К. А.* Космическая образность русской поэзии рубежа XVIII–XIX веков: стратегии изучения // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 10. С. 211–228. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-211-228>

Хондзинский П. (свщ.) Блаженный Августин в русской духовной традиции XVIII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2011. № 33. С. 22–36.

Blumenberg H. *Paradigms for a Metaphorology* / trans. from German by Robert Savage. New York: Ithaca, 2010. 152 p.

References

Bashkirov, D. L. “Oda G. R. Derzhavina ‘Bog’” [“G. R. Derzhavin’s Ode ‘God’”] *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 5, 1998, pp. 140–150. (In Russ.)

Esaulov, I. A. “Oda G. R. Derzhavina ‘Bog’: novoe ponimanie” [“G. R. Derzhavin’s Ode ‘God’: A New Understanding”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 14, 2016, pp. 45–67. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2016.3722> (In Russ.)

Kiseleva, I. A. “O smyslovoi tsel’nosti definitivnogo teksta poemы M. Iu. Lermontova ‘Demon’ (1839)” [“On the Semantic Integrity of the Definitive Text of M. Y. Lermontov’s Poem ‘The Demon’ (1839)”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 17, no. 4, 2019, pp. 91–106. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6422> (In Russ.)

Kiseleva, I. A., and K. A. Potashova. “Osobennosti poeticheskogo ekfrasisa v stikhotvorenii A. S. Pushkina ‘Polkovodets’ (1835): ot chernovika k beloveku” [“Features of Poetic Ecphrasis in A. S. Pushkin’s Poem ‘The Commander’ (1835): From Draft to Fair Copy”]. *Nauchnyi dialog*, no. 4, 2021, pp. 240–253. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-240-253> (In Russ.)

Levitskii, A. “Obraz solntsa v poezii Derzhavina” [“The Image of the Sun in Derzhavin’s Poetry”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2012, pp. 55–65. (In Russ.)

Mann, Iu. V. *Dinamika russkogo romantizma* [*Dynamics of Russian Romanticism*]. Moscow, Aspekt-press Publ., 1995. 380 p. (In Russ.)

Morozova, E. V. “Vse imushchestvo sela Zvanki v 1827 godu. Opisi i reestry” [“All the Property of the Village Zvanki in 1827. Inventories and Registers”]. *G. R. Derzhavin i ego vremia: sbornik nauchnykh trudov* [G. R. Derzhavin and His Time: Collection of Scientific Works], issue 5. St. Petersburg, National Pushkin Museum Publ., 2010, pp. 90–117. (In Russ.)

Nikitina, A. B. “Ob usad’be G. R. Derzhavina v Zvanke” [“About the Estate of G. R. Derzhavin in Zvanka”]. *Pamiatniki kul’tury. Novye otkrytiia. Pis’mennost’. Iskusstvo. Arkheologiya* [*Monuments of Culture. New Discoveries. Writing. Art. Archeology*]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 508–522. (In Russ.)

Pozdniakova, N. A. “Obraz khudozhestvennogo vremeni v poezii G. R. Derzhavina” [“The Image of Artistic Time in G. R. Derzhavin’s Poetry”]. *G. R. Derzhavin: lichnost’, tvorchestvo, sovremennoe vospriatie* [G. R. Derzhavin: Personality, Creativity, Modern Perception]. Kazan, Kazan University Publ., 1993, p. 39. (In Russ.)

Potashova, K. A. *Traditsii i novatorstvo russkoi literatury kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka v aspekte usvoeniia opyta zhivopisi* [Traditions and Innovations of Russian Literature of the Late 18th – First Third of the 19th Century in the Aspect of Mastering the Experience of Painting]. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 376 p. (In Russ.)

Potashova, K. A. “Kosmicheskaia obraznost’ russkoi poezii rubezha XVIII–XIX vekov: strategii izucheniia” [“Cosmic Imagery of Russian Poetry at the Turn of the 18th–19th Centuries: Strategies for Studying”]. *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 10, 2023, pp. 211–228. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-211-228> (In Russ.)

Khondzinskii, P. “Blazhennyi Avgustin v russkoi dukhovnoi traditsii XVIII v.” [“Blessed Augustine in the Russian Spiritual Tradition of the 18th Century”]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofii*, no. 33, 2011, pp. 22–36. (In Russ.)

Blumenberg, Hans. *Paradigms for a Metaphorology*, trans. from German by Robert Savage. New York, Ithaca Publ., 2010. 152 p. (In English)